

ПТИЦА ЛЁДЫНЬ

Отшелестела осень золотая, отцвела, отсыяла. Другая осень пришла, наведалься, серая осень, хмурая, угрюмая осень печальных раздумий, брюзга неуживчивая, занудная. Швырнула на горизонт сырые, как половая тряпка, серые облака, сорвала с деревьев последние, пожухлые листья. Уныл и наг лес на берегах, оголились колючей проволокой чёрные ветви, и сами берега черны, и неохота бродить по ним, как ещё совсем недавно, по сухой листве.

Настрогол тут, нарезал Мороз снежинок, тонких, фигурных, невесомых, смахнул наземь. Падают снежинки, принаряжают землю белым, как на торжество, — красиво, празднично.

И выбирается из-под кустов, из нор, из укрытий зверьё лесное, — и зайцы, и лисицы, и волки, и иные разные. И все, как один, языки горячие высовывают, ловят снежинки, на вкус пробуют, на зиму гадают: какой будет, мягкая, суровая? Скорее бы уж она настала, любая, надоела эта слякоть промозглая, да и лапы разъезжаются на земле, набухшей от постылых дождей, — ни то, ни сё.

Широко зевая, вылезает из тёплой конуры и непонятной породы собачонка, в прошлом дворняга бесприютная, а ныне серьёзная, на довольствии у хозяев, сторожевая собака по прозвищу Найда; за ней следом, цепляясь пузиком за порожек, вываливается и толстый вислоухий щенок. Пока без имени, поскольку характер ещё не определился: то он, дрожа хвостиком, отважно съёт нос во все щели, а то драпает-ковыляет со всех силёнок от одного шороха, — вот и угадай, как его назвать? Но тоже, глядя на маму, язык высовывает: ни разу ещё не пробовал такую диковину, пушинки с неба. И, надо ж, только на язык поймал, — а их уже и нету, лишь холодок остаётся.

Увы, лёгок, как намёк в беспечной беседе, первый снег, лёгок и ненадёжен, упал и нет его. А серая осень ещё цепляется, тянет с уходом, грызается, сыплет дождями. Морозцу не хватает.

Но расправил Мороз плечи, окрепчал, подбросил снежку широким жестом, холодку поддал, само собой, — и закружилась уже белой спиралью позёмка, исполняя с зимним ветром затейливый белый танец.

В эту пору, с первым морозцем и прилетает она, летит, подгоняемая метелями, а то и навстречу им, — Птица зимы, Лёд-птица, которую в народе называют по-разному: птица Ледень или, — чаще, — птица Лёдынь.

Не заметишь её простым взглядом, но только отправив в свободный полёт за нею своё воображение, угадаешь, увидишь в морозном воздухе её мерцающие крылья, сотканые из подвижных льдинок, — это, пожалуй, и всё, что дано нам узнать о её облике. А ещё говорят, может она столь широко раскинуть крылья — краёв не увидишь, но способна и меж мелких веточек проскочить, не шелохнуться. Такая она, птица Лёдынь.

Прилетела, — и всё преобразилось. Капли дождя на ветвях засияли камнями самоцветными; кусты понурые — уже не прутья жалкие, а

глубы ажурные в тумане морозных, сумрачный лес, пустынный, сквозной, невзрачный, взгляду зацепиться не за что, — теперь в блёстках-искорках, словно разлом белого, молочного кварца. И на что уж печальна плакучая ива, — недавно ещё клонилась к реке скорбными пустыми ветвями, но, гляньте, превратилась вдруг в букет, огромный, ледяной, в фонтан, в водопад замерший, запечатленный, а река... Нет, с рекой не всё так быстро, надо ещё птице Ледыни поколдовать над нею.

Полноводна река, широка, глубока. Летом текла свободно меж родных берегов, бурлила, пенилась вольными волнами. Поздней осенью наполнялась дождями, и тревогой веет от реки: что дальше?

Летит птица Ледынь над рекой, размахнув крылья от берега до берега, летит туда и обратно, много раз пролетает, воркует птичьим своим голосом: «Успокойся, Река, слушай напевы метелей, не тревожься!» И успокаивается река, словно убаюканной ласковой песней младенец. И — о, чудо из чудес! — не надо ни лодок, ни катеров, не надо паромов: любой, кто хочет, — иди, шагай, ступай по воде, как посуху! От одного берега до другого, дальнего, который только в бинокль и разглядишь подробно. Всюду — мост ледяной. Собери мастеров заправских, искусных, вели замостить реку по всей длине — не сумеют, откажутся. А птица Ледынь — запросто, играючи. Привыкли люди, уже не удивляются, но ведь правда, чудо!

Довольна Ледынь, и людям отрада: высыпали с лопатами, со скребками на ледяную реку, чистят, стараются, — и пожалуйста вам, каток речной, как на блюдечке.

Девчухи «фигурки» надевают, ажур на чистом льду выписывать, вот где чистописание, почище, чем в школе. Стараются, осанку тоненькую держат. Какой же девчонке не хочется блистать на ледяном паркетe, кружиться принцессой-балериной? Мальчишкам проще: на коньках, не на коньках, хоть в валенках, гоняют себе клюшками по льду шайбу, мяч, а то и башмак дырявый. Башмак — даже интересней: чиркнет, как по маслу, пулей влетит меж двух ледышек, и гол вам, получите-распишитесь за башмак пропущенный!

Другие мальчишки тащат на высокий берег, на горку, ведра с водой, вылили, ждут. Пролетела птица Ледынь, — и уже не просто вода, а ледяная дорожка, детворе на фанерках кататься, на ледянках. А ребята побойчее, натянув шапку поглубже и чуть согнув колени, мчатся на истёртых подошвах вниз по ледяной дорожке, как летающие лыжники. И кажется, опрокинется сейчас храбрец-удалец росточку невеликого, скovyрнётся, навернётся, — но нет же, нет, плохо вы его знаете, уму непостижимо, а удержит равновесие до конца дорожки, пробежит потом по снегу, устоит на ногах, у-ух, сердце выпрыгивает! И опять наверх, повторить отчаянную забаву. Смелыми вырастут такие мальчишки, ловкими, сумеют в жизни на ногах стоять, за себя, за других постоять, — пригодится ледяная забава!

И не уснула совсем река, не онемела в ледяном футляре, живёт, дышит. Подо льдом рыбёшки плавают, плавниками шевелият, и вода чистейшая, как из родника. То тут, то там ледобуры похрустывают, лунки сверлят. Над лунками рыбаки сутуляются. Мороз лицо щиплет-кусает, стужа, а рыболовам не до мороза, мормышками и так, и сяк поигрывают, удачи ждут.

Не доведётся из-за улова рыбаку развести руками: «Вот такенная попалась, просто дико повезло, вам-то не совру!» Очень может статься, весь улов — ёршик да пескарлик мелкий, домашнему коту-лежебоке на один зубок, на один глазок, на распробу. Проглотит, — вякнет оскорблённо хозяину: «И это — всё? Лучше б я не просыпался. Сон и то сытнее». Дескать, это что же: раздражили аппетит, и извини, больше нету? А кот — личность в доме уважаемая, нельзя с ним так.

Уж чего бы проще зимнему рыболову — купить рыбы в магазине, готовой, упакованной уже, дешевле выйдет, чем на морозе корпеть, ма-

яться. Но рыбка, что в лунке поймана и скачет по льду попрыгунчиком, блестя чешуйками склизкими, — она другая, особой цены, она как выигрыш, как знак рыболовной удачи-сноровки. Да и коту понятно: настоящая эта рыбка подлёдная, не магазинная, и вкуса бесподобного, а ворчит кот для виду — чтоб хозяин в другой раз старался: раз сам мышшей совсем не ловит, пусть тогда зимних рыбок приносит в достатке, хоть какая-то польза от хозяина будет.

Большое хозяйство у Ледыни, всюду успеть надо. Парит над посёлком, приглядывает по-свойски, особенно за домиками одноэтажными: под ними ж погреба, а там, в кадушках да в банках закрученных, — разносолы, разнослады, разновкусы, дары лета и осени сбережённые, без холода не обойтись. Скользнула Ледынь крылом по фундаменту — и порядок, надёжно всё сохранится. Дальше летит.

Вон, женщина молодая, в халатике да в шлепанцах, выскочила во двор, на минутку, развесила наспех бельё свежестиранное, просушить, и скорей, бегом домой, не простудиться б. Надо пособить? Конечно! Прикоснулась Ледынь к белью лёгкими крыльями, и бельё это простецкое, самое обычное, заиндевел, запахло уже не влагой, не сыростью, а зимней свежестью, да такой тонкой, изысканной, такой бодрящей и волнующей, никакие ароматы из дорогих покупных флаконов не сравнятся, — пусть хозяйка молодая и всё её семейство порадуются. Белью и самому приятно, загордилось даже, захолопало довольно на ветру, словно окрылённое, хоть сейчас полетело бы за птицей Ледынью, а не получится, прищепки держат, да и хозяйку огорчить не хочется.

А птице Ледыни уже другое любопытно. Мужичок по тропке идёт, снежком поскрипывает. Солидный такой, степенный, в шапке меховой. Ну идёт себе и идёт, — мало ль их, солидных дяденек в меховых шапках? Но у мужичка этого глаза совершенно необыкновенные — льдинки, ледышки большие, выпуклые. Поблёскивают загадочно, прелесть какие глаза! Влюбиться можно в такие глаза, безоглядно! Скорей познакомиться!

Но подлетела поближе, — фу ты, вот тетеря, обмишурилась, как забыть-то могла: это ж не льдинки никакие, это у мужичка стёклышки отполированные, для глаз. И нос, наверно, потому носом называют, что стёклышки эти скучные, непонятные, люди как раз на носу и носят! Вильнула Ледынь с досады хвостом перед мужичком, прочь, назад полетела. А мужичок протёр очки платком, осмотрелся, пожал плечами — и пошёл дальше своей дорогой: почудилось, наверно.

И тут вдруг хлопок в небо. Дети на горке головы задирают, ладошки козырьком, в небо руками тычут: «Вон, вон он, вон!» Но кто — он? Глянула Ледынь, пригляделась: батюшки светы, там, в пространной вышине, птенец одинокий, серебристый, крылышки острые, короткие, махонькие, и голый совсем, без единого перышки, не оперился ещё... Видать, из гнезда выпал, а лететь-то не сумеет, только кувыркком вниз! Метнулась птица Ледынь в небо, подхватить птенца беспомощного, подставить ему крыло или спину. А птенец и не думает падать, летит уверенно, стремительно. Потому что сам он хоть тоже из птичьего рода, однако рода особенного, из рода иных птиц, тоже гордых и смелых, но рукотворных, — самолёт реактивный, вот что за птенец, ничего ему не страшно, ни ветер, ни высота, ни пропасть под ним. Летит птица Ледынь рядом, в кабину заглядывает. Внутри — лётчик молодой, в шлеме, в костюме лётном. Смотрит на панель управления и перед собой, в летящие навстречу клячья облаков, сосредоточен, не отвлекается. Включил лётчик форсаж, скорости добавил, но и Ледынь азартна, не отстаёт, всё ей интересно в самолёте, в птице серебряной. Вот летит из самолётного двигателя воздух жаркий, огненный, докрасна раскалённый, а Ледынь подумала лукаво, подумала, да и коснулась крылом раскалённого потока, хоть и самой ей небезопасно. И мгновенно превратился этот жаркий поток в мириады крошечных и блестящих ледяных зёрнышек, кристалликов льда, белый шлейф за самолётом тянется. Инверсионным — или конденсационным —

называется этот след, и теперь уж никак не потеряться самолёту из виду, словно мёлом по линейке небо расчерчивает. Энергично, возвышенно, и детвора на горке в восторге.

Но самое любимое занятие птицы Ледыни — роспись крылатая, в любую свободную минутку. Не надо ей витражей помпезных, без холстов тоже обойдётся. Пластмассу — не пожалует, отвергнет, и к пластиковым окнам совсем равнодушна. А подай ей стекло, настоящее, хрупкое, звонкое, что в деревянных рамах, а ещё бы лучше с резными наличниками, — с красотой резною поспорить ей надо, тут у неё особый азарт, с людьми посостязаться, посоперничать.

Иной бы художник и рад зимний пейзаж написать, обстоятельно, с толком, с расстановкой, и этюдник есть о трёх ножках, и краски в тюбиках отменные. Только колпачки у тюбиков вначале открути на морозе, потом обратно завинти, а ещё и краски смешивай, поглядывай, но уже твердеет кисточка, и пальцы не слушаются совсем, ооченели, и одна мысль: закруглиться б поскорей и домой, в тепло, к батарее ли, к печке ль, но поскорей бы!

А птице Ледыни мороз-то не помеха, наоборот. Облетит дома, подумает да придумает, какой красотой каждое оконце одарить, и начнёт: вначале стекло крошкой ледяной присыплет, вместо грунта, потом коснётся стекла в полёте крылом, раз, другой, то словно кистью, то будто б резцом тончайшим, — и вот она, красота нерукотворная, крыльями птицы Ледыни сотворённая.

И дальние миры, далёкие галактики увидишь на ледяных картинах, и зимний лес, и чудесные снежные цветы, чьи причудливые лепестки — словно перья волшебной птицы, — уж не самой ли птицы Ледыни? А если за окнами в доме ещё и ёлка новогодняя наряжена, лампочками подмигивает, — глаз не оторвать.

Ходи по тропкам меж сугробов, любуйся, и билетов не надо, задаром наслаждайся, ни в одном музее не найдёшь подобной внезапной, непредсказуемой красоты. Запоминай, запечатлей в восхищённой памяти, да и сфотографировать не грех, — завтра, может, с утра уже, другие крылотворные шедевры на окнах появятся: изменчив, прихотлив вкус у Ледыни, мимолётный, как и сама она.

А Ледынь уже в раж вошла, охота пуще неволи, мало ей пространства, в городок соседский устремилась, окна трамваев городских расписала. Едут детишки в трамвае, выдувают горячим дыханием дырочку в затылочном узоре, трут пальчиком, ноготком расколупывают, — и вроде как глазок получается. Глазок сказочной двери. Смотришь в него наружу, словно сквозь волшебный камушек или в калейдоскоп, и мир там, снаружи, привычный и обыденный, вдруг кажется таинственным и необыкновенным.

У молодых людей, и парней, и девушек, другое в мыслях, более романтическое: выводят на ледовом узоре любимый вензель. Такова уж магия зимнего узора, всё ему доверишь, — и самое сокровенное, сердцу дорогое.

Правда, и пошалила, похулиганила немножко Ледынь в городке: коснулась сырых тротуаров — и превратились они в покатушки; прохожие, семят, как пингвины, руки в стороны, крылышками, — бранятся: «Гололёд, а дорожки не посыпали...» А детишкам — только и надо: разбегутся с одного конца тротуара и, как стрела, летят до другого конца, вот здорово, быстрее дорожек и не бывает!

Так и идёт-метёт зимнее времечко. Ударили морозы крещенские, крепкие морозы: даже у Ледыни в полёте пёрышки заостряются. Летит Ледынь не слышно, видит: мужики на реку ледяную вышли, с топорами, лёд рубить стали, да только лёд — что камень горный, не зря Ледынь потрудилась. Но всё равно вырубил прорубь, и приличную.

А ближе к ночи много народа на берегу собралось, толпа, кто с фонариками, кто так просто, но всех больше со свечами трепетными, ладоня-

ми прикрытыми, пальцы от огоньков розовым просвечивают. Смотрит Лёдынь: те, что у самого берега, сбрасывают одежду свою добротную, тёплую, и остаётся на них только бельишко нижнее, купальное, да кожа своя тонкая. Хотя какая уж там кожа, — так, кожа телесная, душу от невзгод прикрыть. Нет на них ни шерсти, ни толстого жира, или перьев хотя бы, разве что бороды у мужичков постарше. А смотри ж ты: приосаниваются люди, не дрожат, не ёжатся, распрямляют спины, блестят вдохновенными глазами, и стар и млад, в очередь становятся, ступают со словами заветными в воду студёную. И — будто в воде этой ледяной родились: окунаются самозабвенно, троекратно, с упоением. А поднимаются из ледяной воды на берег, растираются докрасна пушистыми полотенцами, приговаривают: «Как снова родились, здоровья набрались, а водичка-то ох хороша — обжигает!»

Как это — обжигает? Даже обидно Ледыни слова такие слышать: летала она, летала, воду на зиму студила, леденила, — и обжигает? Ну это уж вообще...

Но один мужичок, раздетый уже, всё стоит на бережку, переминается на босых ногах. Пролетает Лёдынь, шепчет насмешливо: «Чего бояка-то такой? Прыгай!» Мужичок было шагнул к проруби, но потёр голой пяткой о ногу, опять топчется. Тут уж не утерпела Лёдынь, толкнула мужичка крылом в плечо, он и плюхнулся в прорубь. Как крыльями, руками замахаал, вот-вот из проруби птицей вылетит, а выскочив, чуть не в пляс пустился: «Сам, сам! Все видели? Окунулся, троекратно, сам! Не водичка — чудо!»

Похоже, крепок выходит народ из купелей этих ледяных, весьма крепок.

Есть края, всегда тёплые и обильные. Где прислонишься к дереву, отдыхая в тенёчке, — и сытные плоды сами упадут к тебе, не поленись только руки подставить. Иное — у нас. По северу тянутся наши просторы, самые протяжённые в мире северные границы — у нас: не разнежишься, не разомлешь от жары. И мороз — бодрячок щипнёт за бочок, закалит характер холодом, ветром студёным. И птица Лёдынь начеку, не даст размякнуть, нам же на пользу. Суровы наши края, но нам привычны, и иных — не надо.

Ну а врагам, что позарятся, наострятся-нацелятся на землю нашу, остудит Лёдынь мозги коварные, их помыслы подлые; пролетит, прозвонит смертным набатом: «Не найти вам здесь ни приюта, ни хлеба-соли, ступайте назад подобру-поздорову, бегите прочь, живы куда!»

А не послушаются — позалеют. Пусть хоть обмотают тряпьём или награбленными мехами головы свои чумовые, лапы захапистые и мундиры помпезные, — не спаслись им. Было не раз и будет впредь: сгинут, утонут испуганные враги в наших снежных морях, вмёрзнут в снег тараканными трупиками, с обледенелыми пустыми глазами. Вещая она, птица Лёдынь, многое наперёд знает. Пролетит над захватчиком поверженным, заметёт метелями, чтоб и следа не осталась разбойного. И снова станет бело и спокойно, душе любованье.

Однако нынче мирные дела ждут, житейские. Но теплеет уже, у снеговиков и то руки ветвистые да носы печальные опускаются. И это у них ещё крыльев нет, и забот никаких, а Ледыни нельзя расслабляться.

С утра небо — мозаика голубая, белизной сияющей склеена. На волю уже хочется котам и кошкам в домах, жмурятся в окна, прислушиваются, как капель стучит молоточками, высекает брызги из карнизов. Коснулась Лёдынь солнечных струй с крыши, — превратились они в прозрачные морковки, — а что, у всех огороды есть, пусть и у неё, Ледыни, будет свой, ледяной, хоть напоследок, — но нет, тают морковки-сосульки, бесполезно уже.

Полетела окраины проведать, как там? Лошадка с молочной фермы бидоны везёт, полные, наверно. Сырой уже снег, рыхлый, копыта лошадки проваливаются. Заметила Лёдынь, дотронулась крыльями до по-

лозьев санных, ледком смазала, — быстрой заскользили; коснулась дороги — и затвердела дорога, даже отвалы снега по обочине белой лавой заблестели, словно маленькие горы-вулканы.

Дети увидели запряжённую лошадку, — туда же, на дорогу. Бегут рядом с санями, просят возницу конюха: «А можно прокатиться?» «Можно, — им в ответ, — только не шалите!» Запрыгивают с ходу, галдят, толкаются, теснятся на низких санях, на соломе, ноги над дорогой вытянули, классно! И надо ж, какая штука: почти у всех во дворах родительские машины стоят, аж под сто лошадиных сил, быстрые, мощные, с сиденьями удобными, но страсть как охота всего на одной единственной лошадиной силёнке прокатится, вот на этой каурой, смирной, добродушной, что прядёт чуткими ушами.

Дуга дуревянная кумачовой лентой обвита, от транспаранта, с буквами; под дугой — колокольцы дрожат на солнце: одни, поменьше, — железные, из нержавеющей стали, рыболовные, другие, побольше, — латунные, коровьи, — звенят, друг с дружкой перезваниваются, слушай да слушай. И лошадка косматой головой качает согласно: всё милее не бидоны только возить, но и ребятишек тоже. А так и будет сегодня: сгрузят бидоны, — и трусой на площадь поселковую, тоже детвору катать.

Потому что Масленица, началась уже! Всё на площади красками расцвечено, наряжено. За прилавками девицы-молодицы в кокошниках, снедь нахваливают, на прилавках — блины веснушчатые, блестят от масла. Масленица!

Лейся на блинок, золотой медок, сияй-ка, солнечный ледок. Масленица!

А варенье, под настроенье? И черничное, хоть лунную ночь на блине распиши, и смородиновое, и вишнёвое, цвета закатного, а нет — так забели блинок под снежок, сметанкой густою. Масленица!

Блинок на блинок, аппетитный бугорок, — ароматны блинные горки. Да не отведать ли красной икорки? Ягодка к ягодке, светится изнутри, как костяника зрелая, разровняй по блинку, да не пережми, сохрани, чтоб каждая на язык жемчужинкой легла, и потом только раскуси. А, как? Ещё хочется? То-то!

Налетай, ценители-любители, всё с пылу, с жару. Пышут паром самовары, знатные, в ожерельях сушек маковых, ванильных, в гирляндах баранок лимонных, горчичных, молочных и разных прочих. Булькают, попыхивают, друг перед другом выставляются:

я самый большой, с крышкой богатой!

а я медный и, гляньте, какой пузатый!

а я цветной, расписной, сверху чайник заварной!

а я самый изящный, ребристый!

а я блестящий, серебристый. Посмотритесь в меня, как в зеркало, — и будет вам удача!

Все самовары хороши, все глаз радуют.

Вам чайку? Какого? Есть краснодарский, есть африканский, есть шанхайский, есть гавайский, есть «Три слона», есть «Три мамонтёнка», и «Сибирский мамонт» есть, как же у нас и не быть? — «MammothofSiberia» переводится, чтоб случайным, заморским гостям понятнее было, — на травах северных, тундровых настоян, вкус — бесподобный, неутолимый. Всё испробуйте, не обожгитесь только от жадной жажды... Масленица!

Чай горяч, напитки горячи, шумно в стаканы проворные льются. Надёжные стаканы, гранёные, словно из чистейшего льда вырезаны, отполированы, спят гранями, — гуляй, догуливай, Масленица! Запомнится чревоугодьё блинное под разносолы обильные, под прощальный морозец, на весь год запомнится.

Ну вот и всё: разгорается вверху, на помосте, чучело соломенное, большое, безликое, осыпается костром. И радостно всем, и грустно: прощай, Масленица! Прощай, Зима! И ты, птица Ледынь, прощай...

Взмах ледяных крыльев — и прочь от жарких самоваров, от соломенного огня; вслед за дымом, всё выше и выше поднимается птица Лёдынь, — холоднее там, вверху; хватает разгорячённым нутром спасительный морозный воздух, но и Солнце ближе, и спешит, летит Лёдынь, забирая на север и к Сибири, в ту же сторону, куда возвращается и матушка Земля. Летит над белыми ступенями вековых сосен, над их заснеженными лапами, летит над ершистыми белыми пиками елей.

Летит над тундрой, и олени, теснясь в стадах возле чумов, ловят чуткими ноздрями перемену в воздухе, провожают птицу Лёдынь. И звери, и люди ждут теперь тепла, ждут весны.

Другой край, вечной мерзлоты, безмолвный, будто навсегда уснувший. Здесь покоятся вечным сном могучие древние хозяева этой земли, мамонты. Ледяная толща спасает их тела от полного тлена, и птице Лёдыни надо обязательно прилетать сюда, отдавать свой заботливый холод. Иначе нельзя, иначе пропадёт даже надежда. А надежда есть: возможно, не вечен замёрзший сон усталых гигантов. И однажды их, сбережённых в ледяных усыпальницах, разбудит к жизни наука. Тогда дрогнут, прорастут неукротимыми жгутиками окаменелые семена, расколют мёрзлую твердь резные папоротники, поднимутся в рост забытые, невиданные травы. И не боясь уже ни коварных ловчих ям, ни смертельных копий, ни лазерных ружей, огласят окрестности зычным трубным рёвом исконно наши, великолепные, морозостойкие слоны, ступая в сопровождении торопливых пушистых слонят по обновлённой, райской земле, — к изумлению и ликованию людей. Знает это птица Лёдынь, летит, касаясь ласковыми крыльями ледяного инкубатора, шепчет погребённым во льдах косматым великанам: спите пока, спите, потерпите. Не время ещё, но всё впереди. Настанет и ваш торжественный срок. Сбудется, сбудется!

Летит к северным морям, где у берегов просыпаются от зимней спячки суда-кораблики, на приколе стоящие, а трудяги ледоколы уже торят им во льдах пути-расщелины.

И ещё дальше, надо льдами, на север: там её место, её гнездо. У вершины земной оси, возле макушки Мира, в окружении ледяных скал, ложится птица Лёдынь на нетронутый снег, на нежное снежное одеяло, уютно зарывается клювом в приятную ледяную крошку под боком, закрывается, укутывается от низкого солнца огромными своими ледяными крыльями и, умиротворённая, тихо, неслышно засыпает.

Девять месяцев зарождается жизнь человеческая. Удивительно, но через столько ж примерно времени возродится и птица Лёдынь. Очнётся, полная новых сил, встрепенётся и снова, воспарив над Землёй, полетит в благодатные, суровые наши края. До следующей Зимы!

СНЕГ

Если приедут к вам зимой заморские туристы, — дайте им подержать на ладонях снег. Не тот, из снежных пушек, каким горы для модных лыжников присыпают, а настоящий, наш. И тогда многое они поймут и о наших краях, и о нас, без лишних слов. На Луне и днём с огнём не сыщешь подобный снег; даже на Марсе не найдёшь, хотя снежные бури там будь здоров, никаким зонтиком, никакой палаткой не прикроешься. А многие, весьма серьёзные учёные утверждают, что и во всём космосе, нигде больше нет такого замечательного снега, как у нас.

Радуются дети первому долгому снегу: «Снег, снег!», и взрослые улыбаются: «Да, снег...», будто не снег это, а манна небесная.

По-разному идёт снег, то гуще, то реже, и снежинки разные, красивые на все вкусы, и падают по-разному: одни — наискосок, звёздочками, повезло нам, загадывай желание, вон их сколько летит, звёздочек

с неба; другие — качаются неспешно крохотными парашютиками, а третьи — совсем иные, лепесткам подобны. Роняет их щедро цветущий зимой высоко-высоко, на облаках, пышный белый сад, и усталая этими тончайшими белыми лепестками земля не пахнет теперь сыростью осенней, прелой листвой, — зимней свежестью благоухает.

Собачонка вислоухая, привереда капризная, дома на подушечках бархатных спит, и та оживилась, запрыгала по пятнам снега, помчалась, распластав уши крыльями, — снег!

И уже невтерпёж детишкам, даже малым. Кто архитектуру любит, но к битве готовится, — тащат, накатывают снежные комья, торопятся, спотыкаются, скорее крепость строить. Потому что самая желанная, самая лучшая, самая азартная в мире дуэль — рассыпчатыми белыми ядрами, белыми гранатами, — снежками. Крепость ещё возводится, а торопливое оружие уже готово, сложено горками и рядками: снежки, плотно сбитые, или лепушки-пампушки, неважно, всё сгодится. Скоро, скоро грянет битва, то-то криков будет, снега и веселья.

А если ваять захочется, скульптором стать? Не в младенческом, ползунковом, возрасте, конечно, но, скажем, годикам уже эдак к двум — трём? А гипса нет, мрамора нет, и никто резец в руки не даст, не доверит, как быть-то тогда? Да запросто быть: вот же он, снег. Всего-то и надо, — рукавички удобные, любимой бабушкой связанные, да маленький пластиковый совочек, — и вперёд, душа зовёт, а время не ждёт, скоро за руку обедать и спать уведут. Снег сам лепится, сам в ладошки ложится, просится, и красота рождается — глаз не оторвать. Родители и бабушки-дедушки вокруг ходят, млеют, охают-ахают от восторга, всё спрашивают: что за диво дивное получилось? Лягушка-квакушка, небывалый гриб, облако загадочное или спящий калачиком снеговик?

Да какая разница, кто это, художник ещё сам не определился. А если даже просто тяп-ляп вышло и завтра вообще растает, — так ведь это ж от желания скорее создать и увидеть великое своё творение. Даже у гениальных скульпторов не сразу всё получалось, все так начинали. Зато: щёки — горят, глаза — блестят, в личике — вдохновение. Оттого и народ наш сызмальства романтичен. Но непрактичен.

Чуток снег, прислушивается ко всему, любопытный. Из колодца бревенчатого воду набирают, — послушает скрип колодезного ворота, и тоже, будто аукаясь, под ногами человека поскрипывает, вздыхает, когда тот воду домой неспешно несёт, в вёдрах осторожных.

И скромные украшения тоже нравятся снегу, есть такая слабость. Следы на снегу проявились, — глубокие человеческие или лёгкие, зайца, глухаря, да хоть вороны нахальной, — снег не против, так он красивее, и занятно к тому ж. А надоест давнишнее украшение, новых захочется, — прилетят проворные вьюговеи, наметут метелей, обновят, освежат снежок, разровняют, — и хоть картины по снегу пиши, не хуже любого холста будет.

Но так же, как иные люди предпочитают массаж, а домашние животные хотят, чтоб о них не забывали, гладили и за ухом почёсывали, — так и снег больше всего любит живые прикосновения. Или чтоб любовались им хотя бы. Тогда снег не одинок, тогда в знак признательности готов он расстелиться ковровой дорожкой.

А как умеет быть благодарен снег — убедиться проще простого. Вот попробуйте-ка, скатитесь на лыжах или на санках с песчаной горы, даже из мельчайшего, отборного песка, — только пыли наглотаетесь, не откашляться. А со снежной-то горки, — хоть до вечера катайся, не надоест, притягивает снег.

Или: запрягите лошадей в повозку, — побегут мелкой трусцой, и по асфальту, и по разбитой дороге, и по кисельной хляби в распутицу пойдут, засемят, придётся. Но запряги тройку резвых коней в сани расписные, только тронь поводья, присвистни, — и не побегут даже, а полетят по снежку, окрылённые, дай волю, — до самых звёзд долетят, там

колокольчиками зазвенят, среди спутников плакающих, вот что такое наш снег вдохновенный.

Захочется подалее от шума-суеты — тогда на лыжи и по снежку — в зимний лес. Здесь снег полный хозяин, на любой высоте: и на старом пне он, словно опара из горшка, и по веткам гусеницами расползся, и то клонится белой гроздью, то поднимается дымкой-паутинкой, облаком пушистым, — тишь-благодать. Деревья от снега раздобрели будто, подросли, распрямились величаво. Заходи, гость дорогой, любуйся, да не забывай, что в гостях, — весь лес тебе внемлет. Хочешь, — так и быть, прокричи ввысь, но лучше просто дотронься лыжной палкой, со всем почтением, до верхних еловых лап, — и весело они поприветствуют тебя, обдав с головы до ног рассыпчатым снегом, ещё и за шиворот добавят: милости просим в снежное царство, не зевай! Тихо здесь, а скучно не бывает!

Вечерний снег — другой, ещё загадочнее. Кажется отчуждённым поначалу, тусклым, но окажите милость, прогуляйтесь по нему, дайте вечернему снежку похрустеть, поскрипеть в удовольствие, — и опять он удивит. Увидите, как под синим небом с влажным, сочным ломтиком блистательной Луны вдруг загораются на снегу искорки, — вспыхивают то тут, то там, будто от бенгальских огней. Не зимние ли светлячки сопровождают вашу прогулку?

Или так блестят лукавые глазки крохотных существ, с любопытством наблюдающих за человеком, за пришельцем?

Или это сияют за синими холмами окна крошечных далёких поселений, и там — другой, ночной мир, — мир, затерянный в снегах, до которого ещё идти и идти?

А, помните, пушистые белые гусеницы, на ветвях зимнего леса? Знаем ведь, читали, что дальше: вначале гусеница, потом уютный кокон, ну а потом, — всем известно, какое чудо рождается следом. Она, прелестная, легкокрылая, воздушная бабочка. Летом, — может быть, капустница, махаон или другая. А зимой? Зимой, из снежных гусениц, какие? Только одни — снежные бабочки, с резными узорами на нежных, белых, прохладных крылышках. Возможно, нам не удаётся сразу их разглядеть, не сразу увидим их круженье вместе с вьюгами, среди хлопьев падающего снега, не оценим их затейливый танец под шёпот снежных свирелей. Но они обязательно есть, эти снежные бабочки, и когда зимней ночью ложатся они спать на снег, — не замечаем ли мы как раз блёстки на их трепетных крыльях?

Неужто всё это — лишь снежный мираж? Или же любого волшебства можно ждать от снега?

Есть в дальних жарких странах и красоты диковинные, и лазурные берега, и песочек горячий под пальмами. Только вот снега нет. А у нас есть. И он нам друг, во благо он нам. Снег в полях глубокий — жди урожай высокий. Разрешено малышам в детсаду босиком по снегу побегать — крепьшами растут! В деревнях порой из баньки по-чёрному, — да с разбегу в сугроб, как в омут, жгучим снежком освежиться, — и чист, бодр, здоров народ. Говорят же: чист, как снег белый. Но это не только о теле, а даже больше — о помыслах человека.

Многому снег человека научит. Может, мороз, снег и солнце неброское — наше всё? Наверно. Будь иначе — иными бы мы стали и многое б потеряли.

Как ни рассуди, а хорошо, что каждый год небеса преподносят нам восхитительный дар — изумительный, бесподобный, великолепный снег. Дорогой подарок!